

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.23>

Алиев Орудж Сохраб оглы

ПРОБЛЕМЫ МЕЖЖАНРОВОЙ СВЯЗИ СКАЗКИ И ЭПОСА (НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

В статье рассмотрены проблемы межжанровой связи сказки и эпоса. Автор на обширном материале азербайджанской народной литературы изучает вопросы взаимовлияния этих жанров. Несмотря на то, что мотив чудесного рождения героя широко распространен в устной литературе разных народов, он обладает многими оригинальными особенностями в азербайджанских волшебных сказках. В статье в сравнительно-сопоставительном аспекте исследуются "Сказка об Ибрагиме" и дастан "Наджаф и Перизад", а также рассматриваются дастаны "Селим шах" и "Алихан-Пери"; выявляются их сходство и различие со сказками и т.д. На основании общих сюжетов и мотивов раскрыты некоторые характерные особенности творческого процесса создания сказок и эпосов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 103-108. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Акатова А. А.** «Ландшафт культуры»: понятийный статус и художественное воплощение (на материале романа Джона Фаулза «Волхв»): дисс. ... к. культурологии. Кострома, 2007. 185 с.
2. **Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994. 616 с.
3. **Гудков Д.** Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
4. **Жид А.** Дневник, 1889-1895 / пер. Э. Войцеховской // Митин журнал. 2003. № 61. С. 453-492.
5. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. Изд-е 6-е. М.: ЛКИ, 2007. 264 с.
6. **Пави П.** Словарь театра / пер. с фр. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
7. **Смирнова Н. А.** Тезаурус Джона Фаулза. Нальчик: Полиграфсервис и Т., 2000. 360 с.
8. **Belsey С.** Critical Practice. N. Y.: Routledge, 1991. 161 p.
9. **Fawcner Н. W.** The Timescapes of John Fowles. Rutherford, N. J.: Fairleigh Dickinson University Press, 1984. 180 p.

JOHN FOWLES'S "CHINESE CASKET" AS A PRINCIPLE TO ORGANIZE POST-MODERNIST META-TEXT

Akatova Aleksandra Aleksandrovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Kostroma State University
aaakatova@mail.ru

The article provides a structural and component analysis of John Fowles's novels, which are considered from the viewpoint of metatextuality and intertextuality. The analysis allows concluding that the meta-text is formed according to the principle of the "Chinese casket", in which universal precedent and self-precedent phenomena, numerous continual storylines and ideological motives (closed space, isolation, loneliness, etc.), elements of "mise-en-abyme" and replication serve as guidelines combining the storylines of each separate novel into single meta-text, which is readable and understandable at different levels.

Key words and phrases: Chinese casket; meta-text; post-modernism; John Fowles; precedence; self-precedent; intertextuality.

УДК 821.512.162

Дата поступления рукописи: 20.08.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.23>

В статье рассмотрены проблемы межжанровой связи сказки и эпоса. Автор на обширном материале азербайджанской народной литературы изучает вопросы взаимовлияния этих жанров. Несмотря на то, что мотив чудесного рождения героя широко распространен в устной литературе разных народов, он обладает многими оригинальными особенностями в азербайджанских волшебных сказках. В статье в сравнительно-сопоставительном аспекте исследуются «Сказка об Ибрагиме» и дастан «Наджаф и Перизад», а также рассматриваются дастаны «Селим шах» и «Алихан-Пери»; выявляются их сходство и различие со сказками и т.д. На основании общих сюжетов и мотивов раскрыты некоторые характерные особенности творческого процесса создания сказок и эпосов.

Ключевые слова и фразы: азербайджанская литература; эпос; сказка; сюжет; мотив; композиция; дастан.

Алиев Орудж Сохраб оглы, к. филол. н., доцент

Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку
orucsohraboglu@gmail.com

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖЖАНРОВОЙ СВЯЗИ СКАЗКИ И ЭПОСА
(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)**

Сравнение сюжетных, композиционных особенностей сказки и эпоса демонстрирует степень близости их друг другу. «Эпосы часто создаются непосредственным использованием сказок. Рассказанные без гошма (гошма – один из ведущих жанров азербайджанского ашугского искусства, древняя форма силлабического стихосложения, одиннадцатисложник. – О. А.) эпосы же отличить от сказок очень сложно» (здесь и далее перевод автора статьи. – О. А.) [14, с. 65]. Поэтому сравнительный анализ эпосов и сказок поможет более подробному и глубокому изучению межжанровых связей, вопросов влияния, творческого процесса.

Актуальность исследования обусловлена тем, что обращение к двум основным жанрам эпического фольклора позволит раскрыть общность этих жанров и проанализировать составляющие этой общности. Главным в этом плане является рассмотрение проблем взаимодействия и взаимовлияния сказки (в особенности волшебной и бытовой) и эпоса (любовно-романического дастана).

По сравнению с такими эпическими жанрами народной литературы, как легенда, предание, аллегория, анекдот и др., сказка более близка к дастанам. Эта особенность проявляется в мотивах, сюжетах и образах фольклорных текстов, а также в вопросах сказительства. Сказка и дастан отличаются от других жанров также по отношению *текст – сказитель*. С этой точки зрения необходимо и актуально изучение взаимосвязей между этими жанрами и выявление их отличительных поэтических особенностей.

Можно сказать, что всестороннее изучение сказок, а также дастанов и других жанров возможно после систематического изучения каждого из их различных сюжетных разделов. Таким образом, можно выявить сходные и отличительные особенности разных жанров фольклора, определить их границы и охарактеризовать каждый из них.

Объектом исследования выступают азербайджанские волшебные и бытовые сказки, а также любовно-романические дастаны.

Предмет исследования – мотивы и сюжеты сказок, их варианты и эпические обработки.

Цель исследования – выявить общность и вариативность сказочных мотивов и сюжетов в эпической традиции, их переход в любовно-романические эпосы.

Достижение обозначенной цели обуславливает решение следующих **задач**:

- выявление архаического (мифологического) слоя в сказках и дастанах, объединяющего их;
- изучение общих мотивов и сюжетов, архаических и мифологических элементов в сказках и дастанах;
- выявление параллелей, связанных с мотивом бесплодия-бездетности;
- сравнение эпизодов, связанных с мотивом чудесного зачатия и рождения героя сказки и эпоса (в нашем случае – любовно-романического дастана);
- осмысление магических особенностей яблока как символа плодородия и воды как средства чудесного зачатия.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые предметом специального изучения в сравнительно-сопоставительном аспекте стали азербайджанские сказки и дастаны. Такой подход обусловлен общим характером многих элементов, составляющих структуру азербайджанской сказки и любовно-романического эпоса.

Эпосом, тесно связанным со сказками, является дастан *“Nəcəf və Pərizad”* (*«Наджаф и Перизад»*) [2, с. 267-292]. Будет интересным сравнение этого эпоса с *“İbrahimin nağlı”* (*«Сказка об Ибрагиме»*) [5, с. 236-254]. Вспомним содержание эпоса: у шахского сына Шаха Аббаса был некий торговец тканью, которого звали купец Мамед. Купец Мамед, будучи в пути, остановился в местности под названием «Алхас чемми». В это время туда приезжает купец по имени Ахмед. Сдружившись, они поведали друг другу горести. Пришедший туда же дервиш узнает об их тоске по рождению ребенка. Дервиш дает друзьям по яблоку и говорит: «Разделите яблоко поровну. Белую сторону пусть оставит себе один из вас, красную – другой. Одна сторона яблока – мальчик, другая – девочка. Не могу сказать, какая из сторон мальчик, а какая – девочка. Иначе между вами произойдет ссора. Каждый пусть съест яблоко со своей женой. У одного родится сын, у другого – дочь. Несмотря на отдаленность друг от друга, вы должны поженить их. Так как они появятся из одного яблока, должны воссоединиться как одно яблоко» [2, с. 273].

В *«Сказке об Ибрагиме»* братья купцы Ахмед и Мамед очень богаты, но они лишены детей. Желание братьев обрести детей воплощается в жизнь необычным способом. Когда они пьют воду из источника, из воды появляется красное яблоко. Братья, подумав, что это яблоко ниспослано судьбой, съедают его, разделив со своими женами. У Ахмеда рождается сын, а у Мамеда – дочь.

Так же как и в *«Сказке об Ибрагиме»*, в дастане *«Наджаф и Перизад»* дети, рожденные в результате магического оплодотворения (путем поедания яблока), отличаются от других своими необычайными качествами. Этот мотив широко распространен в восточном фольклоре. Вот что пишет по этому поводу В. М. Жирмунский: «В волшебных сказках, особенно в восточных (арабских, персидских, тюркских), обычным средством магического оплодотворения является яблоко, которое подносит бездетному падишаху (иногда и его везиру) встреченный им во время паломничества (или посетивший его во сне) старик-дервиш» [9, с. 229]. Этот мотив также можно повстречать в азербайджанских сказках *“Cantiq”* (*«Джантук»*), *“Şahzadə Mütəlib”* (*«Царевич Муталиб»*), *“Soltan İbrahim”* (*«Солтан Ибрагим»*), *“Məlik Məmməd və Məlik Əhməd”* (*«Малик Мамед и Малик Ахмед»*), *“Padşah oğlu”* (*«Королевич»*), *“Yusif və Sənubər”* (*«Юсуф и Сэнубар»*) и др. Отметим, что этот мотив характерен не только для сказок, но также и для любовных дастанов. В дастанах *“Tahir və Zöhrə”* (*«Тахир и Зухра»*), *“Lətif şah”* (*«Латиф шах»*), *“Şah İsmayıl”* (*«Шах Исмаил»*), *“Arzu -Qəmbər”* (*«Арзу-Камбер»*) и др. разработан этот мотив.

Вообще яблоко, выполняющее функции возрождения, омоложения, рождения и т.д., является одним из наиболее часто встречающихся образов в мировой мифологии и фольклоре. Плод яблони также можно рассматривать как символ плодovitости, связанный с культом плодородия.

Магическое яблоко, поднесенное дервишем в дастане *«Наджаф и Перизад»*, а в *«Сказке об Ибрагиме»* – найденное на поверхности воды, дарит супругам ребенка. Вспомним и то, что верования, связанные с водой, в азербайджанском фольклоре, в том числе в сказках, встречаются часто. В сотворении необычного героя вода занимает важное место. В подобных сказках, своими корнями восходящих ко временам господства мифологического мышления, вода дарит ребенка.

М. Сеидов, в своих многочисленных исследованиях подчеркивавший роль, которую вода играет в мифологии, пишет: «Вода и дерево (дерево мира) – это первое. Человек и жизнь происходят от них. Вода и дерево мира дарят людям жизнь и душу. Этот мифологический взгляд основан на образе жизни и понимании мира первобытного человека. Для первобытных людей вода и деревья (растения) были основой их жизни. Вот почему они мифологизированы у многих народов. По этой же причине человек искал бессмертия в воде и растениях» [12, с. 122].

Во многих волшебных сказках герой отличается от своего окружения рядом своеобразных качеств. В его героизме преобладает волшебство. В экспозиции таких сказок важную роль играет желание бездетных

родителей, мотив чудесного, а иногда и магического рождения героя. Мотив чудесного рождения героя широко распространен в азербайджанских волшебных сказках. Этот мотив можно найти в десятках волшебных сказок. Этот мотив также широко использовался в различных жанрах фольклора самых разных и отдаленных народов мира и был исследован в трудах А. Н. Веселовского [7, с. 58-65].

Вода и растения играют важную роль и в рождении необычных героев. Согласно мифологическим верованиям, они были священными и первичными. Рассмотрим следующий мифологический текст о сотворении мира: «В самые давние времена не было никого, кроме Бога. И вся земля была наполнена водой. Аллах превращает эту воду в тину. Дальше осушается тина и превращается в землю. Затем семена прорастают из почвы. После этого из этой земли Бог лепит людей и одушевляет их» [3, с. 237]. Как видно из этого примера, вода тесно связана с мифом о сотворении мира.

И в «Сказке об Ибрагиме» питье братьями воды из источника, нахождение при этом яблока в воде, обретение ребенка в результате поедания этого яблока, достижение своей мечты были вызваны тесной связью с верованием в воду.

И в эпосе, и в «Сказке об Ибрагиме» рожденные от разных родителей, но от одного яблока юноша и девушка влюбляются друг в друга. Хотя их любовь сталкивается с трудностями, необычными испытаниями, они, пройдя через трудности и преграды, достигают желанного.

В дастане «Наджаф и Перизад» заколдованная книга, а в «Сказке об Ибрагиме» пояс свергают героев в опасности, становятся причиной прохождения через различные испытания. Ибрагим, забыв предостережения дяди, вынужден несколько раз сразиться с необычными врагами, в итоге, отправившись в путь за поясом, на какое-то время разлучается с любимой. Этот эпизод, то есть надевание девушкой мужской одежды после исчезновения своего нареченного и представление себя окружающим как жениха, занимает важное место и в эпосе, и в сказке. И в «Сказке об Ибрагиме» после исчезновения Ибрагима его невеста, надев его одежду, придает себе его облик. Она становится настолько похожа на Ибрагима, что никто ее не узнает. «Были словно две половинки яблока, говорят, не уходи в другую сторону, я и есть ты» [5, с. 237]. Дойдя до дома, сообщает матери, что ему та девушка не понравилась, она хромоножка, слепа на один глаз, лицо рябое, и к тому же плешива. Мать Ибрагима не может разобраться в этом деле, так как девушка, чтобы не быть узнаваемой, превращается слепой. Все знают ее как Ибрагима. Она занимается торговлей вместо Ибрагима. Шах, которому понравился лже-Ибрагим, принимает решение выдать за него свою дочь. Оставшийся в безвыходном положении лже-Ибрагим оказывается вынужден принять предложение шаха. Спустя некоторое время после свадьбы она рассказывает настоящую правду девушке. Они вместе ждут приезда Ибрагима. После длительных затруднений возвращается Ибрагим. Женившись на обеих девушках, живет счастливую долгую жизнь.

И в дастане, и в сказке оказавшаяся в сложном положении девушка не теряет надежды, надев мужскую одежду, то есть одежду своего нареченного, пытается выйти из ситуации и достигает своей цели. Пока в дастане Наджафхан, спасшись от колдовства, а в сказке Ибрагим, найдя волшебный пояс, не вернулся, нареченная заменяла его, ведя себя как купец, обрела славу и почет, даже уважение шаха страны. Это не случайно. «То, что одежда, внешний вид в целом являются таким показателем идентичности, в фольклоре распространено очень широко. Как свойственные загробному миру необычные существа, так и люди этого мира признают в фольклорном тексте героя, прежде всего, по внешнему виду. Если девушка надевала мужскую одежду, везде принималась как парень. То, что надевший одеяние дервиша человек является сыном падишаха, никому в голову не приходит. Герой, надев одежду пастуха, воспринимается как пастух. Надевшего на голову баранью кожу златовласого принца все знают как плешивого. Как фольклорный герой, закутавшись в чужое одеяние, пряча свою внешность, защитился от существ, присущих загробному миру, так же может уберечься и от врагов в этом мире» [10, с. 11].

В дастане «Наджаф и Перизад» Перизад-ханум, а в «Сказке об Ибрагиме» нареченная Ибрагима отличаются от других героев. На наш взгляд, характер других образов проявляется в отношении к ним. Так же, как и основной герой, они занимают ведущее место. В дастане эта черта проявляется более ярко. Так, Наджафхан, столкнувшись с трудностями, благодаря помощникам может выйти из ситуации, оказавшись в сложном положении, начинает увядать. Наоборот, Перизад-ханум из трудной ситуации выпутывается благодаря собственному уму и мышлению, инициативе, может преодолеть все встреченные трудности. Умеет действовать сообразно каждой ситуации, выбрать верный путь.

И в дастане, и в сказке часто сменяют друг друга эпизоды, связанные с происходящими в разных местах событиями, с помощью переходных формул осуществляется переход от события к событию. И в сказке, и в эпосе в разнообразной форме в различные мгновения используются переходные формулы.

В дастане «Наджаф и Перизад» можно встретить образцы переходных формул следующего типа: «*Aşiq dili üyürək olar, at ayağı külək, tez aparıb, tez gətirər*» [2, с. 273]. / «*Ашугский язык бывает беглым, ноги коня как ветер, скоро уведут, быстро приведут*»; «*Oğlan oxumaqda olsun, sizə xəbər verim tacir Əhməddən*» [Там же, с. 274]. / «*Пусть юноша поёт, а я вам скажу о купце Ахмеди*»; «*Sizə kimdən xəbər verim, Pərzad xanımdan*» [Там же, с. 280]. / «*Послушайте, о ком вам я расскажу – о Перизад-хануме*»; «*Bunlar burada qalmaqda olsun, sizə kimdən xəbər verim, Nəcəf xandan*» [Там же, с. 284]. / «*Пусть они остаются здесь, а я вам, знаете, о ком расскажу – о Наджаф-хане*»; «*Nəcəf xan bütün əhvalatı mən sizə nəgıl eləyən kimi, ona nəgıl elədi*» [Там же, с. 291]. / «*Наджаф-хан всю историю изложил ему так, как я вам*».

М. Г. Тахмасиб, наблюдавший то, как в народных сказках используются темы, сюжеты, мотивы и пр. элементы эпоса и этот творческий процесс в целом, полагает, что сказитель отбирает и забирает все, что ему нужно из богатой сказочной сокровищницы, адаптирует это к своей теме, придав им новое значение, создает

сказ или эпос. Остановившись на самых основных картинах этого творческого процесса, исследователь отмечает, что один вид такого заимствования сказочных мотивов чаще встречается и этот вид заключается в разработке какой-либо знаменитой сказки как эпоса. Он включает в этот ряд дастаны “*Şah İsmayıl – Gülzar*” («Шах Исмаил и Гюльзар»), “*Dilsuz – Xəzangül*” («Дилсуз и Хазангюль»), “*Dünya gözəli*” («Красавица мира»), “*Gül – Sənubar*” («Цветок – Санубар»), “*Şəms – Qəmə*” («Шамс – Гамар»), “*Ovçu Pirim*” («Охотник Пирим»), “*Kəlbit*” («Калбит»), “*Təhmiraz*” («Техмираз»), “*Adgözəl*” («Адгезель») и др.

Три варианта дастана, созданных на основе “*Şəminin nağlı*” («Сказка о Шемин») – “*İbrahim – Hürinisə*” («Ибрагим и Хуринисе»), “*Təhmiraz*” («Техмираз»), “*Adgözəl*” («Адгезель»), – предполагают использование одной сказки самое малое тремя сказителями, придание эпичности каждым сказителем этой сказке согласно своему вкусу: «Каждый мастер слова придал эпичности этой сказке в свойственной ему манере. На наш взгляд, все три этих сказителя, оставшись верными традициям национального дастанного сказительства, выбрали себя героями своих эпосов, поэтому имена героев были различными. Говоря иначе, “автором” одной из версий был Ибрагим, “автором” другой – Техмираз, а третьей – Адгезель» [13, с. 208].

Подобным дастаном, тесно связанным с сюжетными сказками, является и дастан “*Səlim şah*” («Салим-шах») [2, с. 315-334]. Дастан “*Салим-шах*” был написан у товузского ашуга Абдуллы в 1960 году. Краткое содержание дастана таково. В городе Йемене жил-был справедливый падишах по имени Салим-шах. Салим-шах видит во сне, что откуда ни возьмись взявшийся некий дракон проглатывает его вместе с тронном. Сон падишаха по его велению истолковывают звездочеты. Астрологи предсказывают, что с неба грядет катастрофа для шахского трона, поэтому советуют уехать в сорокадневное путешествие, поручив шахство кому-либо. Шах, доверив трон своему визирю, уезжает на сорок дней в путешествие. Визирь, разграбив казну, всех перетянул на свою сторону. Не вернув трон при возвращении Салим-шаха, ссылает шаха. Пятилетнего сына Салим-шаха Махаммада уносит сель, а младший сын Яхья теряется в пути. Шах с женой Афруз-ханум вынуждены были переночевать у подножья горы. Встретившийся им в это время купец, прибегнув к коварству, говорит о наличии в его караване беременной женщины, нуждающейся в помощи Афруз-ханум. Для оказания помощи той женщине Афруз-ханум вместе с купцом идут к месту стоянки каравана. Подлый купец сбегает, захватив и Афруз-ханум. У узнавшего о происшествии Салим-шаха руки оказываются скованными. Продолжив свой путь, доходит до некоего города. Видит, что со всех сторон народ стекается в сторону шахской площади. Когда спрашивает о причине этого, ему отвечают: «Шах нашей области умер, сегодня выбираем шаха. По народному обычаю выпускается птица шахства (государства). На чью голову усядется птица, того и назначают падишахом. Сейчас выпускают птицу».

Салим-шах также пошел на площадь. Птицу отпустили в воздух. Птица села на голову Салим-шаха [Там же, с. 325].

Народ понимает, что он является шахом Йемена. Салим-шаха усаживают на шахский трон. У Салим-шаха не было никаких вестей о своей семье. По его приказу оказывают помощь беднякам, открывают сиротские приюты. По ходу действия становится известно, что старшего сына шаха Мамеда спас и усыновил некий мельник, а младшего сына Яхью усыновил некий охотник. Их обоих привели в открытый шахом сиротский приют. А когда они достигли пятнадцати лет, их берут на услужение в царский дворец. А Афруз-ханум торговец по имени Салех, вырвав из рук купца, обещает доставить Салим-шаху. Они, обходя все места, наконец доходят до города, где правит Салим-шах. В это время у них заканчиваются деньги. Афруз-ханум отдает свое кольцо торговцу тканями с тем, чтобы, продав его, взамен купил и принес продукты. Ни у кого не хватает средств купить кольцо. Торговец тканями, оказавшись в безвыходном положении, несет кольцо Салим-шаху. Узнавший кольцо Афруз-ханум Салим-шах говорит торговцу тканями: «Сегодня будешь моим гостем, завтра, оценив твое кольцо, отправлю назад» [Там же, с. 330]. Торговец тканями говорит о том, что кольцо является данной на хранение вещью. В это время Мамеда с Яхьёй отправляют сторожить шатер Афруз-ханум. Здесь Мамед с Яхьёй рассказывают друг другу о случившемся с ними. Слышавшая их разговор Афруз-ханум узнает своих сыновей. Уводит их в свой шатер, где они вместе ложатся спать. Увидевший это торговец тканями Салех ведет шахских сыновей со связанными руками к виселице. Салим-шах, узнав своих сыновей, падает на землю в обмороке.

Падишах, очнувшись, очень радуется нахождению своей семьи. Шах, отдав множество даров Салеху, оставляет его в своем дворце. Найдя подлого купца, убивает его, а мельника с охотником, дав множество подарков, проводил в путь.

Есть несколько сказочных вариантов дастана “*Səlim şah*” («Салим-шах»). К ним можно отнести сказки “*Yuxu*” («Сон») [6, с. 151-154], “*Mömin şahın nağlı*” («Сказка о Момин шахе») [8, с. 167-179] и т.д. Этот сказочный сюжет зафиксирован в указателе сюжетов азербайджанских сказок, созданном на основе системы Аарне-Томпсона, под номером 938 с названием «Потеря членов семьи» [11, с. 269].

Сюжет “*Mömin şahın nağlı*” – «Сказки о Момин шахе» – близок сюжету дастана “*Səlim şah*” («Салим-шах»). Однако есть и некоторые отличия. Сюжет сказки тоже начинается со сновидения. Но в отличие от дастана шах в сказке не является справедливым, добрым, он жестокий. Он видит во сне, как его бросают в барабан мельницы, руки и ноги отрывает, а тело уплывает по реке. Падишах, увидев этот сон и во второй раз, впадает в сильный испуг и повелевает истолковать сон. Старый провидец говорит падишаху: «Упустишь трон, а сам опозоришься во всем мире» [8, с. 167]. Падишах оказывается перед необходимостью, взяв семью, убежать из своей страны.

И в дастане, и в сказке в результате столкновения увиденного им сна падишах верит в угрожающую ему катастрофу, для избегания этого передает трон другому или же старается тайным побегом спасти свою

жизнь. Несомненно, что этот мотив представляет собой не случайное явление, а связан с древним мировоззрением, верованиями. Верили, что падишах подобным способом может увеличить свою силу, заново возродиться и стать обладателем трона.

Сюжет дастана "*Alixan – Pəri*" («Алыхан и Пери»), тесно созвучный со сказками, также широко распространен. Одним из вариантов дастана "*Alixan – Pəri*" («Алыхан и Пери») является сказка "*İtkin qız*" («Потерянная девушка») [4, с. 273-279].

И сказки "*Xoşqədət*" («Хошгадам») [Там же, с. 78-81], "*Əzizin nağılı*" («Сказка об Азизе») [Там же, с. 82-89], "*Şüküfə xanım*" («Шукюфа-ханум») [Там же, с. 280-289] также созвучны эпосу «Алыхан и Пери».

Отметим, что этот сюжет в указателе Аарне-Томпсона был дан под номером А 883 с названием «Оклеветанная девушка».

Главной героиней и сказки, и дастана является оклеветанная девушка. Гюллю в сказке, Пери в дастане не отличаются друг от друга. Гюллю-Пери является идеальной героиней. Своей красотой, нравственными качествами отличается от окружающих. Она, пройдя через самые трудные испытания, смогла добиться выявления врагов. Хотя и подверглась невыносимым бедам, ставит превыше всего свое достоинство, чистое имя.

Найденный в сказке другом отца – кази, а в дастане – самим отцом во дворе мечети, выращенный как собственный сын сводный брат Тапдыг хочет запятнать честь девушки, не сумев этого сделать, выбирает самый бесчестный путь, клеветает.

Брат Гюллю-Пери в дастане, повинувшись, выполняет поручение отца. Он, не обращая внимания на все её мольбы, утверждения о невиновности, тяжело ранив её, оставив беспомощной, возвращается обратно. А в сказке брат Гюллю не убивает её, макнув её сорочку в кровь птицы, возвращается назад.

И в сказке, и в дастане отец полагает единственным выходом убийство своего дорогого ребенка, найденной благодаря милостыням дочери. Однако по ходу событий выявляется глубокое сожаление отца и брата. При выдвигании в адрес дочери тяжелого обвинения мать не может сказать ничего. Однако мать Пери словно заранее предчувствует трагедию, которая с ними произойдет, посмотрев в глаза, на лицо приведенного мужем ребенка – Тапдыга, – говорит, что не даст ему своего молока. Течение событий показывает неслучайность предчувствий матери.

Сын падишаха в сказке, Алы хан в дастане представляют собой идеального героя, способного находиться на одном уровне с Гюллю-Пери-ханум. Сын падишаха – Алы хан – полностью отличается от окружающих его людей. Сочувствует оклеветанной, благородной, прекрасной девушке, становится опорой ей, действует как чувствительный, с нежной душой человек.

Алы хан предстает как мужественный человек, обладающий высокими человеческими качествами. В отличие от Гаджи Сайяда, Алыхан – чувствительный человек. Он даже в самые трудные, тяжелые времена не теряет своей выдержки, добивается разоблачения и осуждения на смерть такого коварного человека, как Кара (Черный) визирь. Для возвращения в жизнь, счастливого проживания Пери-ханум терпит любую трудность, взяв в руку железный посох, надев на ноги железные лапти, клянется искать Пери-ханум до тех пор, пока посох не укоротится, лапти не истончатся.

М. Г. Тахмасиб, предполагая, что первым «автором» эпоса являлся сам его герой, приходит к следующему выводу об этом: «Нам кажется, что это Алыхан ибн-Аскерли, внук шаха Исмаила Сефевии, который иногда писал под псевдонимом Алыхан. Именование его иногда в дастане Алыханом, иногда Алы дервишем, на наш взгляд, связано именно с этим псевдонимом... Отношение к молле, паломничеству в Мекку также связано, возможно, с его «дервишеством» («аскетизмом»), то есть с тарикатом, к которому он принадлежит» [13, с. 384].

Дастан «Алыхан и Пери» сюжетной линией, композиционными особенностями также тесно созвучен сказкам. В дастане по ходу повествования обращаются к следующим традиционным средствам-формулам и этим путем осуществляется переход от события к событию: "*İndi sizə kimdən xəbər verim, Pəri xanımdan*" [1, с. 210]. / «О ком сейчас я вам сообщу, о Пери-ханум»; "*Günə bir mənzil, teyyimənzil, çox getdilər, az getdilər, bir neçə gündən sonra gedib bir meşəyə çatdılar*" [Там же, с. 216]. / «В день по одному дому, много ли или, мало ли или, спустя несколько дней дошли до одного леса»; "*Sövdəyar şəhərbəşəhər, kəndbəkənd kağızı gəzdirib sahibini axtarmaqda olsun, eşit Qara vəzirədən*" [Там же, с. 220]. / «Пусть торговец тканями город за городом, село за селом обходя, ищет хозяина бумаги, а ты послушай про Кара (Черного) визиря»; "*Pəri xanım burda qalmaqda olsun, sizə kimdən xəbər verim, Alı xandan*" [Там же, с. 223]. / «Пусть Пери-ханум остается здесь, о ком вам сообщу – об Алыхане»; "*Çox getdi, az getdi bir çobana urcah oldu*" [Там же, с. 227]. / «Много ли шел, мало ли шел, встретил одного пастуха»; "*Qərəz Çoban da bunlara qoşuldu, mənzilbəmənzil teyyi-mənzil gedib çatdılar Pitlis şəhərinə*" [Там же]. / «Короче, и Чабан присоединился к ним, дом за домом дошли до города Питлиса»; "*Naçı bir aşıq gətirdi. Pəri xanımla Alixana yeddi gün, yeddi gecə toy vurdurdu*" [Там же, с. 234]. / «Гаджи привел ашуга. Пери-ханум с Алыханом семь дней, семь ночей отмечали свадьбу».

И сказка, и дастан завершаются рассказом героини, то есть рассказом Гюллю-Пери-ханум, о произошедших с ней самых событиях. Общеизвестно, что способом рассказа героем своей истории широко пользуются; если слушатель изначально знаком с историей, в этом случае произошедшие события лишь напоминаются и ограничиваются высказыванием: «Рассказал так, как я вам рассказывал». А во многих случаях повествованием со стороны героя о происходивших с ним событиях расширяются события. Вошедший в историю новый персонаж рассказывает свою историю, сообщает таким способом о произошедшем и участнику, и зрителям. Точнее, произошедшие события повествует от лица персонажа-сказителя.

В некоторых сказках история повествуется, события становятся известными читателю от имени главного героя. В этом случае сказ персонажем своей истории увеличивает воздействие произошедшего события. Повествование своей истории со стороны Пери-ханум в сказке *"İtkin qız"* («*Потерянная девушка*») и дастане *"Alihan – Pəri"* («*Альхан и Пери*») увеличивает воздействие произошедших событий. Сменившая облик, одевшая одеяние плешивого Пери-ханум одно за другим рассказала содеянное Тапдыгом, старухой, Черным визирем. Пери-ханум настолько интересно, с волнением рассказывала, что слушавший ее Гаджи Саййяд, не сумев удержаться, проливает слезы, сказав: «Сынок, а куда труп девушки подевался?», присоединяется к разговору; Альхан, сказав: «Да буду я жертвой твоей, плешивый, скажи, что было потом?», с волнением слушает рассказ о произошедшем. Сказитель, с уст Пери-ханум еще раз вспомнив происходившие наиболее воздействующие моменты, сказав: «Пери-ханум, как мы знаем, рассказала историю от начала до конца», подвел итог событиям.

На основе нашего исследования, можно сделать **вывод** о том, что межжанровые связи двух эпических жанров азербайджанской литературы проявляются в основном на уровнях общности мотивов и сюжетов.

В разработке *мотива бездетности* в эпической традиции на основе сказок и дастанов обнаруживаются многие общие черты: бездетность родителей главных героев, отрицательное отношение к бесплодию, поношения и упреки за бесплодие, их заветные желания и благопожелания, вымаливание детей, акты жертвоприношения и т.д.

Этот мотив как в дастанах, так и в сказках, привлеченных к исследованию, тесно сплетается с другим фольклорным мотивом – *мотивом о чудесном рождении героя*. Потому что бездетность в народной литературе никогда не может быть неотвратимой и окончательной. Этого требует поэтика эпоса (в нашем случае – дастана) и сказки. В противном случае бесплодие родителей главного героя, их горе и страдания потеряют всякий смысл. Именно тогда в фольклорных текстах появляется этот мотив. Чудесное зачатие может произойти от магического яблока, подаренного святым (в образе старца или же дервиша), найденного в воде, съеденного во сне и т.д. В азербайджанских сказках и дастанах преобладает плод яблони как символ плодородия, что также свидетельствует об их жанровой общности.

Сравнительно-сопоставительный анализ мотивов, попавших в указатель Аарне-Томпсона, – «Оклеветанная девушка» и «Потеря членов семьи», – позволяет утверждать, что эти мотивы в основном встречаются в бытовых сказках и, соответственно, попадают в семейно-бытовые дастаны.

Таким образом, общность этих мотивов и сюжетов в сказке и дастане, в первую очередь, свидетельствует об их архаической природе, универсальности и непосредственной связи с мифологическим мышлением.

Список источников

1. **Азербайджанские дастаны:** в 5-ти т. / на азерб. яз. Баку: Чыраг, 2005. Т. I. 424 с.
2. **Азербайджанские дастаны:** в 5-ти т. / на азерб. яз. Баку: Чыраг, 2005. Т. III. 440 с.
3. **Азербайджанские мифологические тексты** / сост. А. Аджалов; на азерб. яз. Баку: Наука, 1988. 196 с.
4. **Азербайджанские сказки:** в 5-ти т. / сост. А. Ахундов; на азерб. яз. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1961. Т. II. 373 с.
5. **Азербайджанские сказки:** в 5-ти т. / сост. М. Тахмасиб; на азерб. яз. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1960. Т. I. 326 с.
6. **Азербайджанские сказки:** в 5-ти т. / сост. Н. Сеидов; на азерб. яз. Баку: Изд-во АН АЗССР, 1963. Т. IV. 287 с.
7. **Веселовский А. Н.** Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Собрание сочинений: в 16-ти т. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 1. С. 58-65.
8. **Жена шаха Аббаса** / сбор и составление Ф. Баят; на азерб. яз. Баку: Писатель, 1996. 244 с.
9. **Жирмунский В. М.** Тюркский героический эпос. Избранные труды. М.: Наука, 1974. 726 с.
10. **Казымоглу М.** Раздвоение образа в фольклоре / на азерб. яз. Баку: Наука, 2011. 226 с.
11. **Рустамзаде И.** Указатель сюжетов азербайджанских сказок (на основе системы Аарне-Томпсона) / на азерб. яз. Баку: Наука и образование, 2013. 368 с.
12. **Сейидов М.** Истоки азербайджанского мифического мышления / на азерб. яз. Баку: Писатель, 1983. 326 с.
13. **Тахмасиб М.** Азербайджанские народные дастаны (Средние века) / на азерб. яз. Баку: Наука, 1972. 397 с.
14. **Тахмасиб М.** Избранные произведения: в 2-х т. / на азерб. яз. Баку: Мир книги, 2011. Т. II. 348 с.

ON INTER-GENRE INTERACTION OF A FAIRY TALE AND AN EPIC WORK (BY THE MATERIAL OF THE AZERBAIJANI LITERATURE)

Aliev Orudzh Sokhrab ogly, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Institute of Folklore of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku
orucsohraboglu@gmail.com

The article examines inter-genre interaction of a fairy tale and an epic work. By the material of the rich Azerbaijani folk literature, the author analyses the problems of mutual influence of these genres. The motive of a hero's miraculous birth is very frequent in national folk literatures, but in the Azerbaijani fairy tales, it acquires original interpretation. "The Tale of Ibrahim" and the dastan "Nadjaf and Perizad" are analysed in the comparative-contrastive aspect; the dastans "Selim Shah" and "Ali Khan and Pəri" are also examined, similarities and differences between dastans and fairy tales are identified. Determining common storylines and motives, the author reveals certain peculiarities of creating a fairy tale and an epic work.

Key words and phrases: Azerbaijani literature; epos; fairy tale; storyline; motive; composition; dastan.